

А.Ю. Соловьев (Петербург)

**Державин, Херасков, Бобров
и «тайный ключ русской литературы»
(из комментария к «Путешествию в полуденную Россию» В.В. Измайлова)¹**

Аннотация: Статья представляет собой развернутый комментарий к упоминанию стихотворения «Ключ» Г.Р. Державина в «Путешествии в полуденную Россию» В.В. Измайлова. Контекстуальный анализ выявляет актуальные источники темы поэтического вдохновения. Отмечена связь между комментируемым фрагментом и литературными репутациями С.С. Боброва и М.М. Хераскова.

Ключевые слова: С.С. Бобров, Г.Р. Державин, В.В. Измайлов, М.М. Херасков, комментарий, литературная репутация

Abstract: This article comments on why and how V.V. Izmailov in his “Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu” (“A Journey to Midday Russia”) makes a reference to the poem “Kljuch” (“The Fount”) by G.R. Derzhavin. A contextual analysis reveals sources of poetic inspiration. The article discusses a link between the commented fragment and literary reputations of S.S. Bobrov and M.M. Heraskov.

Key words: S.S. Bobrov, G.R. Derzhavin, M.M. Heraskov, V.V. Izmajlov, commentary, literary reputation

Вопреки устоявшемуся мнению, которое нашло отражение, в частности, в комментарии к академическому изданию «Херсониды» С.С. Боброва², эта поэма была известна в литературной среде уже после первого издания, несмотря на удаленность автора от столиц. Неожиданным оказывается не центр популярности Боброва – круг московских писателей³, а литературный контекст интереса к «Тавриде». Произве-

¹ Статья написана на основании доклада, подготовленного к юбилейной научной конференции «Державин в истории русской литературы» (18 октября 2016 г., филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова).

² «Первый известный отклик на “Тавриду” (и единственный до выхода “Рассвета полночи”) принадлежит Радищеву» (Коровин В.Л. Поэзия С.С. Боброва и русская литература в конце XVIII – начале XIX в. // Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. / Изд. подг. В.Л. Коровин. Т. 2. М., 2008. С. 458). Первое издание поэмы под названием «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе» вышло в Николаеве в 1798 г. «Херсониды» – название второй редакции, появившейся в 1805 г. в составе собрания сочинений Боброва «Рассвет полночи».

³ Литературный дебют Боброва состоялся при посредничестве М.М. Хераскова в «Покоящемся трудолюбце» – издании «университетских питомцев» (см.: Коровин В.Л. Поэзия С.С. Боброва и русская ли-

дение, в котором она упоминается, – «Путешествие в полуденную Россию» (1800–1802) В.В. Измайлова¹.

Этот травелог, продолживший традицию «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, наполнен аллюзиями, по которым можно составить представление о круге литературных интересов Измайлова. Повествователь примеряет на себя маску философа из повести Б. Сен-Пьера «Индийская хижина», в некоторых эпизодах опирается на литературные модели поведения (Вертера, Сен-Прё). Часто произведения цитируются в подходящих случаю местах (так, вольный пересказ элегий Овидия составляет основу повествования о нем в Овидиополе – предполагаемом месте ссылки римского поэта² и т. п.). Упоминания классических и новых западноевропейских поэтов (Вергилий, Овидий, Гораций, Дж. Мильтон, Вольтер, Ж.-Б. Руссо, Ж. Делиль) соседствуют в книге с именами русских авторов, и в их числе – Г.Р. Державин, М.М. Херасков и С.С. Бобров.

Посвященная Крыму поэма Боброва дважды упоминается в первом томе «Путешествия», на пути к полуострову. Путешественник читает «Тавриду» в ожидании увидеть своими глазами описанное в ней: «Я сам пошел пешком из города, оставив экипаж назади – и увидя сию густую аллею, сел отдохнуть под деревьями на берегу реки. <...> Я долго стоял, радовался и наконец начал в сем сладком убежище читать поэму “Таврида”, которая была со мною»; «Так – я в Крыму; но не встречаю еще прелестей славного полуострова, не вижу величественных гор, <...> не слышу томного журчания Салгира, оживленного на бумаге кистию одного поэта (прим. Измайлова: «Смотри поэму “Таврида”». – А.С.); не вижу ничего, кроме диких степей, татарских селений и бедного Перекопа»³.

В описании самого Крыма (во втором томе, вышедшем два года спустя) Измайлов, однако, уже не вспоминает о Боброве. Одно из умолчаний, на наш взгляд, особенно знаменательно: оно приходится на то самое место, в котором единственный раз в «Путешествии...» упомянут Державин.

В тех точках маршрута, где появление имени Державина было бы уместно, Измайлов обходится без отсылок к нему. Так, в Николаеве, говоря о Г.А. Потемкине, он описывает «скуку и беспокойство» «русского нашего Ришелье» в новороссийских землях и отмечает запустение резиденции вельможи, но лишь одно выражение (ставшее, вероятно, к тому времени общим местом) может быть сочтено слабым отзвуком «Водопада»: «Подумайте о ничтожности вещей человеческих»⁴. Зато Путешественник вспоминает Державина при рассказе о месте, на

тература. С. 433–434). Ср.: *Зайонц Л.О.* Бобров Семен Сергеевич // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1: А–И. Л., 1988. С. 97.

¹ Другой сентименталистский текст, правда, более поздний, в котором нами отмечена отсылка к «Тавриде», – «Аделаида и Арист, или Колонисты (Крымская повесть)» (1812) кн. П.И. Шаликова. См.: *Соловьев А.Ю.* «Таврида» С.С. Боброва и русские сентименталисты: к постановке вопроса о взаимовлиянии // *Текстология и историко-литературный процесс*. Вып. 2. М., 2014. С. 45–46.

² Путешествие в полуденную Россию, в письмах, изданных Владимиром Измайловым. М., 1800. Ч. 1. С. 372–375. Ср. предположения других писателей о месте ссылки и захоронения Овидия: *Формозов А.А.* Легенда о гробнице Овидия в русской литературе // *Вестник древней истории*. 1976. № 4. С. 122–130.

³ Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 57–58, 405–406.

⁴ Там же. С. 318. Ср. у Державина: «Не жизнь ли человек нам / Сей водопад изображает? <...> Где слава? Где великолепье? / Где ты, о сильный человек? <...> Вся наша жизнь не что иное, / Как лишь мечтание пустое» (*Державин Г.Р.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и общая ред. Д.Д. Благого; прим. В.А. Западова. Л., 1957. С. 180, 187). Ср. с этим обширные цитаты из «Описания потемкинского праздника» в травелогe А.Ф. Воейкова, зависящие от карамзинско-измайловской традиции: *Воейков А.Ф.* Екатеринослав (Из записок одного русского путешественника) // *Новости литературы*. 1825. Сентябрь. С. 121–126.

первый взгляд ничем не связанном с его поэзией, но описанном в поэме Боброва. Речь идет о водопаде Акар-Су (Учан-Су): «С каменной горы, около 150 сажен вышины, низвергается быстрый поток <...>. Эта долина, этот водопад, это небо и земля ожидают кисти поэта или живописца. Я ошибаюсь. Один великий поэт воспел его. *Гребеневский ключ гремит, сияет и льется*, как водопад Акар-Су»¹.

Как известно, Гребеневский ключ упоминается в стихотворении Державина «Ключ» (1779), разрабатывающем тему поэтического творчества и приуроченном к выходу «Россияды» Хераскова. Гребенево (Гребнево) – имение матери Хераскова, в котором тот часто бывал во время создания поэмы; весной 1779 г. там был устроен парк с фонтанами, статуями античных божеств и т. д. Однако водопада в нем, кажется, не было, а сам ключ – «текущий с горной высоты»² – приобрел в стихотворении высоту истока скорее за счет метафорического сближения с Кастаньским ключом, чем из-за особенностей подмосковного ландшафта. Вряд ли эти строки могли привести Измайлова к заблуждению, что Державин писал о водопаде³.

Конечно, ссылка на державинский «Ключ» появилась вовсе не из-за описанного в нем водоема. У Державина источник напоил Хераскова «водой стихотворства», и сам поэт, «сгорая стихотворства страстью», приближается к ручью, чтобы, напившись, подобно Хераскову, утолить ее. Та же роль отводится, по-видимому, и водопаду в «Путешествии...», и речь в отрывке идет о поэте-предшественнике. Но чьей же кисти, по Измайлову, ожидали небо и земля Тавриды?

Первый кандидат – сам Державин. Измайлов мог иметь в виду совпадение своего и державинского описаний или то, что увиденное им было воспринято сквозь призму прочитанного текста, предвосхитившего реальные впечатления (такое отношение к чтению характерно для литературы сентиментализма)⁴. Чтобы проверить это, сопоставим описания водоемов в «Ключе» и в «Путешествии...»:

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Лука поящей, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!
Ты чист – и восхищаешь взоры,
Ты быстр – и утешаешь слух;
<...>

Когда в дуги твои серебристы
Глядится красная заря,
Какие пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!
Гора, в день стадом покровенну,
Себя в тебе, любуясь, зрит;
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

С каменной горы, около 150 сажен вышины, низвергается быстрый поток, ударяется об каменные своды, катится ручьями с камня на камень, с угла скалы на угол, рассыпая блестящие брызги, играя в разноцветных радугах, и наконец с кипением, с пеною, с новым шумом разбиваясь в падении своем на тысячу мелких ручьев, которые орошают землю и делятся на разные рукава, чтобы бежать по луку и струиться по камешкам.

Ярость потока, которого движение никогда не утихает, и которого гром ни день, ни ночь не умолкает в долине; грозное и величественное падение вод, игра водяных капель и лучей солнечных; дикая угрюмость скалы, покрытой мхом и плесенью; удаление птиц, которых не видно полета и не слышно песней, зрелище величественное и разительное; таков водопад Акар-Су.

¹ Путешествие в полуденную Россию... М., 1802. Ч. 3. С. 119–122. Курсив мой. – А.С.

² Державин Г.Р. Стихотворения. С. 83.

³ Подробнее о принадлежности имения Трубецким – Херасковым и об устройстве парка см.: *Послыхалин А.* История усадьбы Гребнево. М., 2013. С. 78–79. Там же – о визуальном «прототипе» образа ключа в стихотворении Державина.

⁴ О чтении как приеме сентиментальной прозы – медиаторе восприятия см.: *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. СПб., 1994. С. 156–189.

Багряным брег твой становится,
Как *солнце* катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться *лес*,
Туманов море разольется.
О! коль ночьюю темною
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И *рощи* дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!*

* *Державин Г.Р.* Стихотворения. С. 83–84. Курсив мой. – *А.С.*

** Путешествие в полуденную Россию... Ч. 3. С. 119–121. Курсив мой. – *А.С.*

Стою в долине в нескольких сажнях от него; водяная пыль, подобно мелкому дождю, орошает меня; с одной стороны расстилается по горам кудрявый и зеленый *лес*; с другой осеняет меня сосновая *роща*; в ногах моих по прекрасному лугу тихо бежит тот самый ручей, который грозно с утеса проливается; за ручьем стоит селение Агутка на цветущей равнине, и цепь гор венчает сию картину**.

Выделенные курсивом слова с запасом исчерпывают лексические совпадения двух текстов, но они серьезно разнятся и на уровне образов, а также – что наиболее важно – на уровне принципа описания. В державинском стихотворении облик ключа меняется на протяжении суток; у Измайлова описание водопада статично (хотя его водопад «ни день, ни ночь не умолкает», это постоянная характеристика, а не описание процесса), но строится на другом контрасте – «приятного» и «ужасного», причем с использованием и слуховых, и «осозательных» образов («водяная пыль <...> орошает меня»). Однако сближение все же не лишено оснований: в финале отрывка Измайлов использует ту же метафору, что и Державин, продолжая цепочку дальше (Кастальский ключ поил «водой стихотворства» древних поэтов, а Гребеневский ключ – Хераскова / Гребеневский ключ поил Хераскова, а водопад Акар-Су будет поить нового «поэта или живописца»). Выбор глагола («воспел», а не «описал») усиливает тему поэтического потенциала. Хотя Путешественник и не высказывает желания напиться из источника, вдохновение приходит к нему: именно в Крыму – и более нигде в тексте «Путешествия...» – в прозаическое повествование включаются его собственные стихи. В любом случае, можно утверждать, что «Ключ» повлиял на восприятие водопада как источника поэзии.

В паре «Державин – Херасков», актуализированной упоминанием «Ключа», на наш взгляд, не меньшую значимость имел и второй участник. К концу 1790-х гг. Херасков оставался «главным» писателем в общем мнении, знатоком литературы и образцом для молодых авторов¹. Измайлов был близок к литераторам, входившим в 1780-е гг. в новиковский кружок: И.В. Лопухину, И.П. Тургеневу, В.С. Подшивалову. Здесь слава автора «Россияды» была, конечно, еще громче, чем в литературной среде в целом. Завершающее «Путешествие...» рассуждение о скором возвращении к «литеральному собратству» в Москву и входящее в него трогательное посвящение Лопухину² свидетельствуют о том, что Измайлов ориентировался на их мнение и рассчитывал именно на их отклик. Прямых доказательств того, что под «литеральным собратством» Измайлов подразумевал остатки Дружеского ученого общества, конечно, нет. Однако мы располагаем множеством сведений о связях

¹ См. внушительную подборку произведений из «венка Хераскову»: *Любжин А.И.* «Русский Гомер»: Опыт о литературной репутации. Ч. 1 // Вестник Московского университета. 2011. Сер. 9, Филология. № 5. С. 87–88 (прим. 9). Измайлов посвятил Хераскову эпитафию: *Измайлов В.В.* На кончину Михайла Матвеевича Хераскова // Вестник Европы. 1807. Ч. 36. № 23. С. 192–193. О репутации Хераскова к концу XVIII в. помимо указанного сочинения см.: *Кочеткова Н.Д.* Херасков Михаил Матвеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3: Р–Я. СПб., 2010. С. 359.

² Путешествие в полуденную Россию. Ч. 4. С. 198–199.

Измайлова с членами этого сообщества¹. Даже если Измайлов и не испытывал воздействия репутаций, сложившихся среди бывших «новиковцев», неоспоримо его собственное восторженное отношение к маститому поэту: в «Путешествии...» немало страниц уделено похвалам в адрес Хераскова и его поэзии (в основном в главе о родине поэта Переяславле).

Напомним, что «Ключ» был посвящен не просто Хераскову, а Хераскову, только что выпустившему в свет «Россияду». Специфика его репутации как эпического поэта заключалась в разностороннем таланте, способности работать в разных жанрово-стилевых регистрах и создавать «картины <...> выше сил одного живописца»². Таврический полуостров представлял в глазах сентиментального путешественника картину, требующую столь же разностороннего мастера. Соединение возвышенного и приятного – лейтмотив крымских описаний Измайлова (что видно и по цитированному отрывку о водопаде); именно такое сочетание было общим местом в оценках современниками эпического дара Хераскова³. Безусловно, Измайлов стремился усвоить указанную особенность, распространявшуюся и на поэтику, и на мировоззрение, и Гребеневский ключ был как нельзя более кстати уподоблен водопаду, напоминая читателям об образце.

Наконец, «питомцем» водопада мог быть и третий поэт – Бобров⁴. Его поэма, как было отмечено выше, послужила лишь одним из множества источников, использованных Измайловым в работе над «Путешествием...», – зато, пожалуй, в наибольшей степени была книгой, входившей в круг чтения сентиментального героя травелога. По фразе «...не слышу томного журчания Салгира, оживленного на бумаге кистию одного поэта»⁵, видно: Измайлов был знаком с описанием в «Тавриде» по крайней мере этого водного объекта. И если при въезде в Крым он и не дочитал поэмы, то уж ко времени работы над вторым томом своей книги должен был добраться до описания водопада, отделенного от описания Салгира восьмьюдесятью строками. У Боброва Аккар-Су – «ужасна сребрена стремнина», которая «стремглав стремится прямо в бездну», увлекая за собой «отторженную» с горы сосну⁶, и это картина преимущественно «ужасная», в ней нет нисколько ни «приятного», ни «величественного». В собственном описании Измайлова «дикая угрюмость скалы» и «разительное зрелище» соседствуют с «кудрявым и зеленым лесом» и «цветущей равниной». Несмотря на интерес, который возбуждает в Путешественнике «ужасное» (см. посещение киевских подземелий, пещерного города гетуэцев, рассказ о землетрясении в горном поселке⁷), Измайлов, в стремлении к гармонии, никогда не забывает о

¹ См.: Лобанова Л.П. Измайлов Владимир Васильевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 408.

² Выражение С.Г. Домашнева, цит. по: Кочеткова Н.Д. Херасков Михаил Матвеевич. С. 352.

³ См.: Любжин А.И. «Русский Гомер»: Опыт о литературной репутации. С. 85, 87.

⁴ Наше предыдущее толкование этого места как завуалированной критики Боброва (см. упомянутую выше статью) представляется неубедительным.

⁵ Путешествие в полуденную Россию. Ч. 2. С. 191–192.

⁶ Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсониды. Т. 2. С. 393, 58. Отметим переключку с «Водопадом» Державина: «Ветрами ль сосны поражены? / Ломаются в тебе в куски; / Грозами ль камни отторжены?...» (Державин Г.Р. Стихотворения. С. 179), которая, возможно, также повлияла на обращение Измайлова к другому державинскому тексту – «Ключу». Маловероятно, что он перепутал «Ключ» и «Водопад», так как в новом издании (1805 г.), исправлявшем немало ошибок, именно в этом фрагменте изменений не последовало.

⁷ Путешествие в полуденную Россию. Ч. 1. С. 113–118; Ч. 3. С. 78–82, 109–111.

«приятной» стороне прекрасного¹. Заостренное новаторство Боброва, вероятно, было ему чуждо². Однако их сближал характер разработки античного ассоциативного ряда применительно к Тавриде. Бобров не только густо заселяет ее пространство античными богами, нимфами и топонимами, но мыслит переход полуострова к России как возвращение муз домой, смещая акцент с политических успехов на будущие поэтические:

<...> если б росски Геркулесы,
Одушевленные Минервой,
Ступая на сии хребты,
Здесь лики водворили муз
И преселили в мирны сени
Столетни опыты *Европы*
На помощь медленной природе,
Тогда бы гордый *Чатырдаг*
Меонией прекрасной был;
Салгир – чистейшей *Иппокреной*;
<...>
Бессмертны б музы совершили
Столь дивно странствие свое
И *эллиптический* свой путь
Скончали б там, где начинали³.

По «крымской» части книги Измайлова рассыпаны похожие высказывания, озвучивающие надежды на расцвет в Тавриде «новой жилы поэзии», подобной той, что была в Древней Греции. Путешественник полагает, что на полуострове «хранится <...>, может быть, тайный *ключ* русской литературы»⁴. Бобров как автор «Тавриды», безусловно, «новороссийско-древнегреческий» поэт. Его поэма сама по себе выполняла функцию «возвращения муз», которую он приписывал обретению Крыма Россией. Измайлов же, говоря о поэте или живописце, чья кисть опишет полуденную землю и небо, напоминал о появившемся претенденте на роль «певца Тавриды» гораздо ярче, чем если бы просто его назвал. Важнейший для русской литературы XVIII в. ориентир – классическая традиция – сплетается в творчестве Боброва с преромантическими тенденциями, и соединение в «Путешествии...» Боброва с Херасковым, осененное именем Державина, является, на наш взгляд, свидетельством признания важности этого процесса современниками.

Любопытным, хотя и побочным нашему сюжету фактом является то, что в 1787 г. Бобров перевел 13-ю оду III книги Горация, которая легла в основу «Ключа», и воспользовался при этом несколькими строками Державина⁵.

Все три имени – Державин, Херасков, Бобров – по тем или иным причинам заслуживали упоминания. Державинская интенция вдохновения, универсализм Хераскова, античный «ренессанс» Боброва – эти контексты взаимодействуют

¹ О преромантическом пейзаже в «Путешествии...» в связи с общими тенденциями сентиментальной литературы см.: *Бешкарев А.А.* Традиция сентиментального путешествия в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв.: (Н.М. Карамзин и В.В. Измайлов) // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 9, Филология. Сыктывкар, 2001. Вып. 4. С. 42–43.

² Вплоть до белого стиха поэмы, не находящего соответствия ни у Хераскова, ни даже у Державина.

³ *Бобров С.С.* Рассвет полночи. Херсонида. Т. 2. С. 189–190.

⁴ Путешествие в полуденную Россию. Ч. 3. С. 231–232. Курсив мой. – *А.С.*

⁵ *Бобров С.С.* Рассвет полночи. Херсонида. Т. 1. С. 381. Об этом переводе и о внимании Державина к нему см.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: [В 9 т.]. Т. 1. СПб., 1864. С. 77–78.

и дополняют друг друга в рамках одного рассмотренного нами высказывания. А стремление к гармоничному сочетанию разнородных (в том числе историко-литературных) явлений свойственно как литературе сентиментализма, так и творческому облику Измайлова. Описание водопада, актуализирующее тему «стихотворства», характеризует и сосуществование трех традиций в поэтике «Путешествия...», и способы бытования литературных репутаций.

Наши выводы во многом строятся на предположениях. Но применительно к эпохе, когда литературная критика в России только зарождалась, а репутации складывались в устно-письменной кружковой традиции, большую значимость приобретает любой факт подобного рода.

ЛИТЕРАТУРА

Бешкарев А.А. Традиция сентиментального путешествия в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв.: (Н.М. Карамзин и В.В. Измайлов) // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 9, Филология. Сыктывкар, 2001. Вып. 4. С. 33–47.

Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсонида: В 2 т. / Изд. подг. В.Л. Коровин. Т. 2. М., 2008. 624 с. (сер. «Литературные памятники»)

Воейков А.Ф. Екатеринослав (Из записок одного русского путешественника) // Новости литературы. 1825. Сентябрь. С. 119–144.

Державин Г.Р. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и общая ред. Д.Д. Благого; прим. В.А. Запорова. Л., 1957. 470 с. (Библиотека поэта. Большая сер.)

Зайонц Л.О. Бобров Семен Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1: А–И. Л., 1988. С. 96–99.

Измайлов В.В. На кончину Михаила Матвеевича Хераскова // Вестник Европы. 1807. Ч. 36. № 23. С. 192–193.

Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. СПб., 1994. 282 с.

Кочеткова Н.Д. Херасков Михаил Матвеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3: Р–Я. СПб., 2010. С. 344–361.

Лобанова Л.П. Измайлов Владимир Васильевич // Русские писатели 1800–1917. Т. 2. М., 1992. С. 408–409.

Любжин А.И. «Русский Гомер»: Опыт о литературной репутации // Вестник Московского университета. 2011. Сер. 9, Филология. № 5. С. 83–96.

Послыхалин А. История усадьбы Гребнево. М., 2013. 346 с.

Путешествие в полуденную Россию, в письмах, изданных Владимиром Измайловым: В 4 ч. М., 1800–1802.

Соловьев А. «Таврида» С.С. Боброва и русские сентименталисты: к постановке вопроса о взаимовлиянии // Текстология и историко-литературный процесс. Вып. 2. М., 2014. С. 37–51.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: [В 9 т.]. Т. 1. СПб., 1864. ЛIII, 819 с.

Формозов А.А. Легенда о гробнице Овидия в русской литературе // Вестник древней истории. 1976. № 4. С. 122–130.

REFERENCES

- Beshkarev A.A. The Tradition of Sentimental Travelogue in Russian Literature of the late 18th – early 19th Centuries: (N.M. Karamzin & V.V. Izmajlov). *Vestnik Syktyvkarskogo Universiteta. Ser. 9: Filologia*. 2001. No 4, pp. 33–47.
- Bobrov S.S. *Rassvet polnochi. Hersonida*: In 2 vols. / Ed. by V.L. Korovin. Vol. 2. Moscow. 2008. 624 p. (series *Literaturnye pamyatniki*).
- Derzhavin G.R. *Poems / Introduction, composition of the text and ed. by D.D. Blagoj; commentaries by V.A. Zapadov*. Leningrad. 1957. 470 p. (series *Biblioteka poeta*)
- Derzhavin's Works with Explanatory Commentaries of Ya. Grot.: [In 9 vol.]. Vol. 1. St.-Petersburg. 1864. LIII, 817 p.
- Formozov A.A. The Legend of Ovid's Tomb in Russian Literature. *Vestnik Drevnej Istorii*. 1976. No 4, pp. 122–130.
- Izmajlov V.V. On the Death of Mihail Matveevich Heraskov. *Vestnik Evropy*. 1807. Vol. 36. No 23, pp. 192–193.
- Kochetkova N.D. *The Literature of Russian Sentimentalism: Aesthetic and Art Quests*. St.-Petersburg. 1994. 282 p.
- Kochetkova N.D. Heraskov Mihail Matveevich. In: *Dictionary of Russian Writers of the 18th century*. Vol. 3. St.-Petersburg. 2010, pp. 344–361.
- Lobanova L.P. Izmajlov Vladimir Vasilievich. In: *Russian Writers. 1800–1917*. Vol. 2. Moscow. 1992, pp. 408–409.
- Lyubzhin A.I. «Russian Homer»: Essay of Literary Reputation. *Moscow State University Bulletin. Ser. 9. Philology*. 2011. No 5, pp. 83–96.
- Poslyhalin A. (2013) *The History of Grebnevo*. Moscow. 346 p.
- Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu, v pis'mah, izdannyh Vladimirom Izmajlovym* [Journey at the Midday Russia, in Letters Published by Vladimir Izmailov]: In 4 parts. Moscow. 1800–1802.
- Soloviev A. S.S. Bobrov' «Tavrida» & Russian Sentimentalists: to the Problem of Reciprocal Influence. In: *Textology and Historical-Literary Process*. Issue 2. Moscow. 2014, pp. 37–51.
- Voejkov A.F. Ekaterinoslav (From the Notes of a Russian Traveler). *Novosti Literaturny*. 1825. September, pp. 119–144.
- Zajonc L.O. Bobrov Semen Sergeevich. In: *Dictionary of Russian Writers of the 18th century*. Vol. 1. Leningrad. 1988, pp. 96–99.

Сведения об авторе:
Андрей Юрьевич Соловьев,
канд. филол. наук
научный редактор
ФГУП «Издательство “Наука”»

Andrei Solovyov
PhD
Science Editor
Nauka Publishing House
an.solovjov@gmail.com

**Derzhavin, Heraskov, Bobrov and “the Secret Key of Russian Literature”
from the Commentary to V.V. Izmajlov’s “A Journey to Midday Russia”**